

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ТРАНЗИТ КАК КАТАЛИЗАТОРЫ ТЕРРОРИЗМА

Работа представлена кафедрой политологии.

Научный руководитель – доктор политических наук, профессор Р. М. Вульфович

Данная статья посвящена проблемам глобализации и этнокультурного транзита как катализатора терроризма. Рассматривается роль демократического транзита в становлении демократических систем. Оценивается влияние процесса глобализации на развитие европейской культуры, что приводит к утрате ее национальных особенностей. В статье анализируется использование элитами СМИ с целью формирования сознания индивида.

Given clause is devoted to problems of globalization and ethnocultural transit as catalyst of terrorism. The role of democratic transit in becoming democratic systems was considered. Influence of process of globalization on development of the European culture that leads to loss of its national features is estimated. In clause analyze mass-media using by elites with the purpose of formation of consciousness of the individual.

Глобализация, играющая все более значительную роль в социально-политических процессах современного мира, заслуживает отдельного рассмотрения в контексте анализа современного терроризма. Наиболее интересными с этой точки зрения в рам-

ках социальной и политической философии, по нашему мнению, являются работы Лоренца Шреттера¹ и Карла-Хайнца Рота². Их статьи позволяют с достаточной полнотой сформировать картину глобализирующегося человечества, сопоставить экономи-

ческий детерминизм региональной специализации, интеграции или дезинтеграции с цивилизационными разломами, выявленными Самюэлом Хантингтоном³. Эмиль Пайн⁴ в статье, посвященной социальной природе терроризма и экстремизма, указывает, что своеобразная общественная потребность в террористической деятельности как внешнем индикаторе и катализаторе определенных процессов проявляется «в периоды начавшихся, но не завершенных исторических перемен, модернизаций», «системных кризисов», «на этапе незавершенной урбанизации», «специфических форм индустриализации», «изменений этнодемографической структуры общества». Таким образом, в процессе демократического транзита во многих странах, а с нашей точки зрения, понятие демократического транзита интегрально включает в себя понятие модернизации, не соблюдена большая часть предварительных условий демократизации и формирования демократической государственности, определенных Д. Растоу, Л. Даймондом, С. Хантингтоном, С. М. Липсетом⁵. В частности, предварительным условием по Растоу является формирование консенсуса среди различных этнических групп в многонациональных государствах, среди условий Липсета можно выделить урбанизацию, индустриализацию, высокий уровень благосостояния и образования. Более того, то, что Растоу и Липсет⁶ называют предварительными условиями демократии, в модели общественной демократии А. Лейпхарта⁷ достигается путем формирования сложного соотношения парламентских сил, т. е. в результате длительного взаимодействия групп организованного представительства, т. е. более или менее демократических элит. Таким образом, успешный демократический транзит в начале XXI века чрезвычайно сомнителен: высокая степень неопределенности в процессе перехода от авторитаризма к демократии, выявленная С. Хантингтоном и дополнительно разработанная Х. Линцем⁸ и Д. Горовитцем⁹, фактически предопреде-

лившая переход от понятия модернизации к понятию транзита, инспирирует непрерывное элитонаправляемое поведение электората (граждан), т. е. отсутствие демократии, фиктивный механизм выбора.

Непредсказуемость демократического транзита обозначена в работе С. Хантингтона «Третья волна демократизации»¹⁰ с помощью термина двухэтапный транзит: переход к демократическим процедурам в условиях отсутствия демократической политической культуры и соответствующего уровня экономического развития, затем возвращение к авторитаризму и далее более спокойный и умеренный переход к демократии. Исторический опыт подтверждает, что переходы от демократии к авторитаризму и обратно в нестабильных системах происходят постоянно, по типу маятника. Ни одно государство, относящееся, согласно классификации Хантингтона и Даймонда, к третьей волне демократизации, не может быть отнесено к стабильным демократическим системам. Прежде всего в связи с тем, что антисистемные настроения в обществе постоянно преобладают, подпитываются дополнительно глобализационными процессами. «Экономические и политические процессы вызывают, в частности, дерегулирование трудовых отношений и разрушение социального государства. Где конец этим преобразованиям, никто не знает. Поскольку такое развитие направлено против все большего числа людей и их реакция непредсказуема, социальный демонтаж сопровождается демонтажем демократии и расширением могущества экономических кругов... Резкость, быстрота и отсутствие тормозящей оппозиции позволяет дальше и решительнее продвигаться вперед вопреки «растущей группе людей, находящихся в неуверенном экономическом положении»¹¹. Таким образом, как развитые демократии, так и развивающиеся страны находятся в состоянии системного кризиса, затрагивающего как экономическую, так и социально-политическую сферы жизнедеятельности государства

и общества¹². Очевидно, что непрерывная и интенсивная маргинализация человеческой цивилизации в сочетании с девиантным поведением элит инспирирует терроризм в планетарных масштабах.

Несомненно, ответственность за политическую и социальную нестабильность, провоцирующие насилие, лежит на элитах и контрэлитах: «...причины глобализации следует искать не в надчеловеческих силах рынка, а в решениях, принимаемых на международных встречах, и в технологическом развитии»¹³. Как глобализационный фактор постепенного развития и универсализации терроризма как средства и цели отдельных групп и индивидов, так и этнокультурный фактор (в большей степени, чем глобализационный связанный с господством мифа и мифологического сознания, а следовательно, и с деятельностью элит) неизменно в большей или меньшей степени управляемы, однако способность к конструктивному диалогу политических и иных сил общества была утрачена непосредственно после Второй мировой войны.

Одна из величайших катастроф человеческой истории непродолжительно воздействовала на сознание элит: «В современном мире заинтересованность в экономическом росте больше, чем заинтересованность в том, чтобы обеспечить всех людей всем необходимым» (Шреттер)¹⁴. Согласно Карлу Хайнцу Роту¹⁵, гибельная практика реализации стратегий экономического идеализма началась с чилийского эксперимента в 70-е гг. (25 лет с момента окончания Второй мировой войны): «Вначале было нелегко различить за террористической политикой поддерживаемых США военных диктатур механизм долгосрочных социальных преобразований, запущенный вторым эшелоном технократов “монетаристской контрреволюции” (по определению Милтона Фридмана)¹⁶. Тем не менее именно в Чили был начат эксперимент, которому предстояло приобрести всемирное значение. В то время как весь мир следил за действиями диктатора – Пиночета, не имевшего соб-

ственной экономической программы, около сотни выпускников Чикагской школы экономики, с помощью мер радикальной налоговой и валютной политики разрушали до основания модель экономической политики, реализовывавшуюся блоком “Народного Единства” С. Альенде, основанную на смешанной экономике. Бюджетные сокращения, кредитные ограничения и конвертируемость валюты стали исходным пунктом программы, которая “разгосударствила” хозяйственные структуры, либерализовала цены внутри страны, открыла рынки капиталов и внешнюю торговлю и, напротив, установила жесткий контроль над рентабельностью рынков рабочей силы и над заработной платой, запретив профсоюзы, ликвидировав практику коллективных соглашений и оставив рабочих без всякой социальной защиты. Среднесрочными результатами этой первой “шоковой терапии” новой эры стали массовая безработица, негарантированные (прекаризованные) трудовые отношения по цене ниже прожиточного минимума, упадок образования, здравоохранения и социального обеспечения. Это была принудительно взимаемая дань радикально-либеральной утопии “саморегулирующихся рынков”, которая с помощью своих “политически нейтральных правовых норм” вводила “подлинную свободу личности” – для неимущих это была свобода умереть с голоду»¹⁷.

Вышеприведенная цитата полностью исключает возможность каких-либо разночтений в толковании поведения элит и контрэлит и их целей: общее превалирует над частным, социально-политические механизмы носят обобщенно-отвлеченный характер, что ведет к потоку непрерывных глобальных перемен, ориентированных на достижение анонсируемых макро-показателей (неважно, демографических или экономических). Полное безразличие к отдельным конкретным общностям, группам, интегрированным по различным признакам: будь то территориальный, профессиональный или любой другой статусный фактор;

подавление механизмов обратной связи, формальная институционализация, подрывающая заведомо неэффективные методы политического и социального взаимодействия – все это обуславливает протестное поведение, которое может переродиться в террористическую деятельность, как доброкачественное новообразование способно переродиться в злокачественную опухоль.

Необходимо четко представлять меру и степень тоталитарного подавления, процветающего в пределах современной, так называемой Центральной, согласно Уилкинсону¹⁸, цивилизации, чтобы за ширмами эффективной, разобщающей социальной стратификации, пропагандой СМИ, увидеть неизбежность терроризма.

Напомним, что терроризм также элитонаправляемое поведение, только в данном случае насилие является нелегитимным или, скорее, незаконным в формальном значении данного термина, т. е. насилие осуществляет не государство, не правящая элита, а контрэлита, оппозиция, признанная или непризнанная¹⁹. Следует отметить также, что даже после Второй мировой войны элиты не отказались от использования государственного террора в качестве ответа на протесты против глобализационного подавления личности: «На первый взгляд, на противоположном полюсе [по отношению к Чили] находилась Южная Корея, где государство с помощью открытого использования инструментов регулирования рынка осуществляло аналогичное подчинение национальной экономики мировому рынку при относительно меньших издержках. Первые фазы экономического развития эта дружественная США военная диктатура прошла, в значительной мере, с помощью долларовых субсидий. Когда в середине 70-х гг. по примеру японской модели интенсификации производства начался самостоятельный рост, он принял характер “кровавого тейлоризма”, без каких-либо уступок рабочему классу в сфере доходов. В порядке компенсации развернулась массо-

вая кампания за “предприятия-общины”, распространялась конфуцианская идеология почитания старших. Пролетариат ответил массовыми бунтами, которые в 1980 г. были потоплены в крови; в результате промышленные профсоюзы были разгромлены, а пролетариат в течение 6 лет сдерживался с помощью копии японской модели фабричного профсоюза»²⁰.

Очевидная абсурдность описанного выше насилия в качестве дополнения к исключительным образцам колониальной жестокости XIX века предоставляет нам возможность изнутри рассмотреть мотивацию терроризма, уловить фактическую безысходность существования отдельных социальных страт, в свою очередь, объясняющую беспрецедентную жестокость террористических организаций.

Мишель Фуко²¹ в диалоге «О народном правосудии. Спор с маоистами» из сборника «Интеллектуалы и власть» высказывает несколько идей относительно принципа народного суда, которые, с нашей точки зрения, обосновывают необходимость принятия терроризма как некоей данности, этапа эволюции человеческой цивилизации или акцептирования ее будущего конца: «И к тому же нужно задать себе вопрос, могут или нет эти акты народного правосудия уложиться в форму какого-то суда. Ибо мое предположение состоит в том, что суд выступает не в качестве естественного выражения народного правосудия, но, скорее, его историческая задача заключается в том, чтобы перехватить, подчинить и обуздать это правосудие, включив в список установлений, свойственных государственному аппарату». Таким образом, Фуко формулирует тезис о неизбежной необходимости принимать некое выражение народной воли, принимать существование насилия, возникающего на основе народного возмущения, народной революции.

Европейская цивилизация на определенном этапе своего развития преуспела в «обуздании» народного правосудия, однако в настоящее время на первый план, в свя-

зи с глобализацией и этнокультурным транзитом, выходит ряд противоречий, которые европейское правосудие постаралось подавить с помощью системы двойных стандартов, избежать их влияния, искусственно уравнивать в правах и возможностях различные социальные группы на определенном уровне, закрывая глаза на отсутствие глубинной социальной справедливости. Если определить данную проблему коротко, то европейское правосудие, претендующее на универсальность, в реальности обладает вовсе не универсальными институциональными установлениями, которые не могут обеспечить социальную справедливость.

Они являются во многом противоречивыми, устаревшими и неполными. В результате неэффективного функционирования судов повсеместное применение единых стандартов – и по отношению к социальным слоям гарантированного статуса и реальных прав и обязанностей, и по отношению к различным изначально ущербным в европейском обществе группам – приводит к уникальному результату: реальному существованию системы двойных стандартов на основании системы одинаковых прав (возможностей) и обязанностей для всех граждан. Существует лишь одно объяснение подобному бессилию европейского правосудия и иных политических и социальных институтов: в процессе интеграции и институционализации чуждых европейской цивилизации этнокультурных общностей в силу присущих им априори черт в социальное взаимодействие изначально закладывается социальная несправедливость: они просто не могут на равных взаимодействовать с уже интегрированными в единое пространство группами и общностями; государственные компенсаторные механизмы слишком слабы, чтобы в исторически обозримое время ликвидировать разрыв сознания европейца и представителя иной общности, особенно в том случае, если названная общность обладает собственной динамично развивающейся и интенсивно воспроизводящейся культурой, к тому же об-

ладающей государственностью, которая, в силу определенных причин, недостаточно способствует удовлетворению их потребности в самореализации, но является исключительным центром их сознания, религиозным, идеологическим, историческим, т. е. культурным. Если рассматривать в современной Европе примеры данного разрыва сознания²², легко выявить, грубое и примитивное, но целостное противоречие между индивидами и группами, центром сознания которых, условно говоря, является Мекка или иные глобальные центры мусульманской культуры, и теми, кто видит суть и основу своей культуры (в том числе и основу своей экономической деятельности, возможности самореализации) в европейских столицах: Париже, Лондоне, Венеции и т. д.

Ориана Фалаччи в своем эксцентрическом произведении «Гордость и Ярость» в полной мере выявила потребность в современном европейском народном правосудии, в ликвидации раздражителей, инородных общностей, с которыми не может справиться европейское государственное или надгосударственное правосудие, методами, давно забытыми Европой. Культивируемое регулирование конфликтов внутри Европы, забвение ряда глубинных противоречий между европейскими странами и внутри их – исключительное достижение, составившее основу уникальной интеграции, уникального сосуществования самобытных культур. Умение европейцев жертвовать отдельными уникальными культурными чертами своей нации, отдельными традициями, жертвовать замкнутостью, характерной для любого традиционалистского сообщества, способствовало созданию Европейского Союза, позволившего, с учетом всех сложностей, тем не менее эффективно взаимодействовать европейским государствам и жить в мире²³.

Однако спровоцированное европейскими империями XIX столетия вторжение инородных фундаменталистски настроенных элементов из Азии, Африки, Ближнего Востока сводит на нет достижения Запад-

ной Европы на пути интеграции с целью создания «золотому миллиарду» высокого уровня благосостояния. Именно в этом, возможно, ответ на вопрос, который задавали в 60–70-е годы XX века и сейчас задают снова: «Почему чаще всего членами террористических организаций политической (идеологической) направленности становятся студенты, т. е. наиболее прогрессивная и наиболее образованная часть общества, в том числе студенты-иностранцы, которым предоставлена возможность получить образование, а значит, доступ к более высокому качеству жизни, в Европе? Почему они при этом испытывают ненависть к государству – своему или чужому, – открывающему им окно в большой мир»²⁴.

В условиях постоянно возрастающей угрозы европейскому качеству жизни, европейской культуре со стороны иммигрантских сообществ книга Орианы Фалаччи всего лишь один из немногих сигналов возрастающей нацистской, расистской и фашистской активности как экстремальной формы народного правосудия, террористического народного правосудия. Глобализация неэкономическая, последовавшая за экономической, провоцирует столкновение цивилизаций, не обладающих механизмом партнерского взаимодействия²⁵.

Баски не сумели за долгую жизнь в составе Испании полностью интегрироваться в более крупное национальное сообщество, ирландцы не стали англичанами, католики – протестантами. Насильственной интеграции и ассимиляции, принуждению к жизни «в чужом государстве», «по чужим правилам» во все времена люди предпочитали смерть, эмиграцию, уход в никуда. Хотя именно ассимиляция дает максимум шансов для «включения» в социум с последующей защитой и поддержкой с его стороны.

Еще сложнее политико-психологическая ситуация для иммигрантов из Азии, Африки, с Ближнего Востока, которые лишь в исключительных случаях могут быть настоящими социальными партнерами современных европейцев: ущербность их

социального развития, отсутствие даже приблизительного понимания принципов толерантности, плюрализма, гражданской активности и ответственности, которое можно назвать также их культурной самобытностью и т. д., – все эти черты мешают иммигрантам эффективно интегрироваться, инспирируют качественные изменения в европейском сообществе, в рамках которого возникает новый образ борьбы (террористической) с «социальными вредителями», а также качественные изменения в обществах азиатских, ближневосточных – возникновение в них идей возмездия, своеобразного понимания справедливости, иначе – другого принципа народного правосудия, отличного от европейского²⁶.

Очевидно, что в Европе фактически уже не существует национальных государств, суверенитет которых можно было бы охарактеризовать в классических терминах Дж. С. Милля, Дж. Локка. Т. Гоббса²⁷. Европейское сообщество стремительно приближается к американскому, становясь, согласно Бодрийяру²⁸, «метасоциальным»: «В сущности, Соединенные Штаты со своим пространством, со своей чрезвычайной технологической изощренностью и простодушием, включая и те пространства, которые они открывают для симуляции, – единственное реально существующее первобытное общество. И все очарование состоит в том, что можно путешествовать по Америке как по первобытному обществу будущего, обществу сложности, смешанности, все возрастающей скученности, обществу жестоких, но прекрасных в их внешнем разнообразии ритуалов, обществу непредсказуемых последствий тотальной метасоциальности, очаровывающего своей имманентностью, и в то же время – обществу без прошлого, которое можно было бы осмыслить, а значит, подлинно первобытному... Первобытность проникла в этот гиперболический и нечеловеческий универсум, который ускользает от нашего понимания и далеко превосходит свои собственные моральные, социальные и экологические основания»²⁹.

Европа постепенно теряет собственную историю, принимая все ускоряющиеся темпы глобализации, в рамках которых энциклопедизм, широта мировоззрения сменяются узкими специальными знаниями, за пределами которых для индивида не существует ни временного, ни географического пространства в сколько-нибудь значительном, по меркам университетского образования второй половины двадцатого века, объеме. Постепенная утрата истории приводит ее к «обществу сложности, смешанности, все возрастающей скученности, обществу жестоких, но прекрасных в их внешнем разнообразии ритуалов, обществу непредсказуемых последствий тотальной метасоциальности»³⁰ – одним из ритуалов, во всяком случае на первом этапе, является терроризм.

В связи глобализацией любая общность в рамках человеческой цивилизации борется за своеобразное культурно-историческое пространство, за право не забыть нечто важное, сохранить хотя бы некоторые черты самобытности и традиционализма: на Ватиканском соборе в октябре 1999 года, который был посвящен обсуждению взаимоотношений между христианами и мусульманами, известный исламский ученый, обращаясь к ошеломленной публике, заявил с безмятежной наглостью: «Используя вашу демократию, мы захватим вас, используя нашу религию, мы будем господствовать над вами»³¹. Таким образом, исламская цивилизация приспособляется к глобализации: экспансия, покорение и завоевание различными средствами, или, во всяком случае, предотвращение безраздельного царства глобалистского кича (Кундера)³² в культурном пространстве. Причем и это явление не является новым в политической истории человечества: именно демократия, плюрализм, толерантность позволяют наиболее агрессивным политическим, экономическим, культурным социально-культурным силам занимать доминирующие позиции³³.

Ключевым понятием в данном контексте становится именно метасоциальность. По своей сути, терроризм – метасоциален.

Он не может быть асоциален, ибо он есть продукт общества. Он не во время общества, а после общества. Общество классического типа, элементом которого является ограниченное нормативно государство, а сущностью собственно нормы – не существует. Оно все больше превращается в метасоциальную систему, функционирующую, исходя из совокупности частных интересов, не связанных между собой в рамках реализации взаимосвязанных функций: общество, в свою очередь, превращается в метасоциальную структуру, раздвигающую границы политических, моральных и нравственных норм, – общество и преимущественно отдельные его элементы, сохранившие некое подобие культурной и цивилизационной идентичности, не способны более существовать в атмосфере лжи, разъедающей саму идею единого государства – территориальной целостности.

Телевизионный апокалипсис, синтезированный профессионалами СМИ, атрофирует чувство социальной ответственности, реальности в целом, провоцирует неадекватное поведение. Война, снимаемая в павильонах, инспирирует войну на улицах. Жан Бодрийяр в статье «Зеркало терроризма» пишет о современном информационном пространстве: «Такова наша современная трансполитическая арена: прозрачная форма публичного пространства, из которой изъяты все действующие лица, – и чистая форма события, из которого изъяты все страсти»³⁴. Более того, можно пойти дальше: пассивная публика, сублимирующая обостренный предугадыванием инстинкт (или комплекс по Фрейду) насилия³⁵, в принципе не может знать последствий своих действий, а следовательно, априорно не несет ответственности за свои поступки. Так население палестинских территорий не несет ответственность за крики: «Смерть Израилю!» в телевизионные камеры и восторженные демонстрации 11 сентября 2001 года. Любое событие воспринимается отстраненно-патетично – в контексте глобализации, в рамках которой событие на дру-

гом континенте должно восприниматься столь же трагически, как и война на соседней улице. Выпуски новостей в одной тональности транслируют информацию о землетрясении, происшедшем за три тысячи километров, и о ракетах, упавших в центре родного города³⁶. Более того, определенная методика подачи информации позволяет замолчать или представить незначительным событием катастрофу, в то время как мелкое происшествие, комментируемое предвзято и надуманно, неожиданно оказывается актуальной драмой, на самом деле искусственно выстроенной информационными технологами, направленной на конкретные социальные группы. Технология превращается в данном случае в орудие частных и узкокорпоративных интересов – инструмент подмены смыслов: обостренная чувствительность социальных страт к определенным ценностям, образность восприятия, свойственная большинству индивидов, синтетически конвертируются в социальный капитал и материальные блага элиты. Система символов, формировавших мировоззрение предыдущих исторических эпох, деформирована современной цивилизацией в систему знаков³⁷, построенную на жестких референциях, жесткой ассоциативной структуре, обладающей практически директивной мощью. Средства массовой информации преобразовали широкое ассоциативное пространство эпохи Возрождения и Нового времени, характеризовавшееся эклектикой стилей, техник, рефлексий, в систему категорического императива³⁸, нормативную систему, предполагающую формальный топос индивида в обществе, не соответствующий структуре сознания индивида, его рефлексии. Система знаков, иначе мы будем называть их простыми символами, позволила создать беспрецедентно управляемую систему, обладающую, однако, рядом неустраняемых недостатков: знаки потеряли плотное историческое основание, т. е. общество потеряло традицию как основание стабильности, что позволило манипулиро-

вать смыслами и, соответственно, индивидами и социальными группами; возникли многочисленные системы двойных стандартов, прочно полагающиеся на телевизионный апокалипсис, который можно толковать любым требуемым образом и направлять с его помощью толпу.

Жан-Жак Руссо³⁹, разрабатывая теорию общественного договора, указывал, что никакая договоренность не может быть достигнута без актов гражданской воли с обеих сторон, что, в свою очередь, будет возможно лишь в случае полного отказа от господства порабощения и иных подобных феодальных форм подчинения.

Л. В. Сморунов в статье, посвященной электоральному поведению в современных государствах⁴⁰, указывает, что произошла глубинная трансформация концептуального основания процесса политического выбора, а именно переход от элитонаправляемого к элитовызываемому поведению. Однако, с нашей точки зрения, данный факт означает лишь окончательное утверждение системы знаков, обладающей столь значительной силой (прежде всего разрушительной), что жесткая формальная регламентация перестает быть необходимой. Потребление регламентирует.

Неудивительно, что «удаленный со стадиона референт»⁴¹ изредка вторгается в телевизионное пространство, что, однако, зачастую дает совершенно противоположный ожидаемому эффект, о чем пишут такие исследователи терроризма, как У. Лакер и Ж. Крозье⁴². Действительный неконформизм, актуальный как класс, т. е. как представление и воля⁴³, институционализирован в систему знаков в результате вынужденного сотрудничества с представителями глобальной экономики, предоставляющими в собственных частных целях финансовые ресурсы, и представителями глобальных СМИ, контролируемых общественным мнением, т. е. элитами (в скрытой форме). Таким образом, над любым реальным действием смыкается своеобразный знаковый колпак, интерпретирующий происшедшее

с помощью стандартной системы знаков: в процессе обусловленной рефлексии телевизионного типа любое нестандартное и даже трагическое событие сводится к обыденному набору результирующих знаков: мощи государства, преодолевающей сохраняющуюся террористическую угрозу, иероглифам: сочувствие, концентрация сил, спасение и, наконец, ненавязчивое забвение.

Высказывание одного из американских террористов, Теодора Кашински по прозвищу Унабомбер: «Для того чтобы наше воззвание произвело на публику неизгладимое впечатление, нам пришлось убивать людей»⁴⁴ – является той исходной компонентой терроризма, которая дала импульс собственно насилию. Пересечение отчаяния, порождаемого забвением, объективной неучтенности в общественном договоре, сложных игр безответственных элит и эффекта, которой мы называем «телевизионным апокалипсисом», воспроизвело то, что Жан Бодрийяр называет симуляцией насилия, физическую жестокость, «возникающую не столько из страстей, сколько из телевизионного экрана, – насилие, заключенное в самой природе образов. Насилие потенциально существует в пустоте экрана,

в провале, которую экран открывает в нашей психической вселенной»⁴⁵.

Таким образом, информационное пространство концентрирует и транслирует стратегию элиты, необходимую информацию и создает информационные поводы⁴⁶, а внутри метасоциальной глобальной системы, первобытной по своей сути, умирают последние черты европейской культуры, западноевропейской цивилизации, исчезает исламская цивилизация, превращаясь в глобальный антипод – а значит, подобие со знаком «←» – американской культуры. Государства, общности и группы, втянутые в процесс международной террористической деятельности в качестве одной из сторон, таким образом, втянуты в глобализацию, в «монетаристское улучшение»⁴⁷, в «жесткие ритуалы», в своеобразную «первобытность» – метасоциальность в результате этнокультурного транзита поглощает с помощью глобализации и терроризма как ее элемента последние замкнутые сообщества. Самобытность отныне – только в частностях, формальностях, знаках, – но не в идее и целостности. И насилие, смыкающееся вокруг современного мира, – первый признак интенсивного разложения идентичности, а значит – новой эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Schretter L. Globalization / L. Schretter // *Scwarzer Faden*. 1997. № 2. P. 49.
- ² Ром К.-Х. Глобализация. М.: Эвер-пресс, 1999. С. 31–44.
- ³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // *Полис*. 1994. № 1.
- ⁴ Паин Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4. С. 117.
- ⁵ Даймонд Л. Прошла ли «третья волна демократизации»? // *Полис*. 1991. № 1.
- ⁶ Растоу Д. А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Полис*. 1996. № 5.
- ⁷ Лейнхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // *Полис*. 1992. № 1.
- ⁸ Линц Х. Дж. Достоинства парламентаризма // *Век XX и мир*. 1994. № 2.
- ⁹ Горовиц Д. Л. Различия демократий // *Век XX и мир*. 1994. № 1.
- ¹⁰ Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman and London, 1991.
- ¹¹ Schretter L. *Op. cit.* P. 53.
- ¹² Даль, Р. Полиархия, плюрализм и пространство // *Вопросы философии*. 1994. № 3.
- ¹³ Там же. С. 50.
- ¹⁴ Schretter L. *Op. cit.* P. 49–56.
- ¹⁵ Ром К.-Х. Указ. соч. С. 31–44.
- ¹⁶ Фридман Л. Глобализация: развитие и развивающиеся страны // *МЭ и МО*. 2000. № 10.
- ¹⁷ Ром К.-Х. Указ. соч. С.56–59.
- ¹⁸ Уилкинсон Д. Центральная цивилизация. М.: Фарватер, 1995. С. 20–45.

- ¹⁹ *Инглхарт Р.* Ценности в глобальной перспективе // Полис. 1993. № 5. С. 36–53.
- ²⁰ *Ром К.-Х.* Указ. соч. С. 21–24.
- ²¹ *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2004. С. 120–143.
- ²² *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Пресс-Инфо, 1999. С. 234–238.
- ²³ *Даль Р. А.* Введение в теорию демократии. М.: Наука и СП Квадрат, 1992. 36–120.
- ²⁴ *Myller R.* Schleichende Radikalisierung. Wie aus Studenten die Attentäter vom 11. September wurden // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Nr. 193, 21.08.2006. S. 3.
- ²⁵ *Лейнхарт А.* Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. 1992. № 1.
- ²⁶ *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 123.
- ²⁷ *Гоббс Т.* Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 100–154.
- ²⁸ *Baudrillard J.* The Mirror Of Terrorism // *Baudrillard J.* The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena. London: Verso, 1993. P. 75–80.
- ²⁹ *Бодрийяр Ж.* Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 20–67.
- ³⁰ Там же. С. 84–85.
- ³¹ Выступление Р. Ад-аль-Сарани на Ватиканском соборе 1999 г. Цит. по *Фаллачи О.* Гордость и Ярость. М.: Вагриус, 2004. С. 115.
- ³² *Кундера М.* Неспешность. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 23–120.
- ³³ *Michels R.* Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie: Untersuchungen über die oligarchen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig: Klinkhard, 1997. K. XIX, S. 401.
- ³⁴ *Baudrillard J.* Op. cit. P. 75–80.
- ³⁵ *Фрейд З.* Толкование сновидений. Минск: Попурри, 1997. С. 43–65.
- ³⁶ *Фуко М.* Указ. соч. С. 210.
- ³⁷ *Демьянков В. З.* О формализации прагматических свойств языка // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М.: ИНИОН АН СССР, 1984. С.197–222.
- ³⁸ *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1995. С. 23–100.
- ³⁹ *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М.: Мысль, 2000. С. 5–20.
- ⁴⁰ *Сморгунов Л. В.* Консолидация демократии и проблема формирования эффективного государства в России // Вестник СПбГУ. Сер. Б. 1998. Вып. 2.
- ⁴¹ *Baudrillard J.* Op.cit. – P. 74.
- ⁴² *Лакер У.* Истоки терроризма // Кожушко Е. П. Современный терроризм. Минск: Харвест, 2000. С. 372–373.
- ⁴³ *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 71–74.
- ⁴⁴ Манифест, опубликованный в «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс», 19 сентября 1995 г.
- ⁴⁵ *Baudrillard J.* Op. cit. P. 80.
- ⁴⁶ *Cottret J.-M.* Gouvernants et gouvernes: La communication politique. P.: Melour, 1973. P. 7–13.
- ⁴⁷ *Ром К.-Х.* Указ. соч. С. 24.